

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Предыдущее обзорѣніе церковно-общественной жизни по даннымъ періодической печати мы закончили краткой замѣткой по вопросу о крайней ненормальности и вредѣ для церковнаго дѣла практикующейся у насъ системы матеріальнаго обезпеченія духовенства, въ видѣ поручной платы за труды и сбора разными продуктами. Настоящій обзоръ мы вынуждаемся начать съ того-же самаго, большаго пункта, такъ какъ жизнь успѣла дать къ выясненію всей ненормальности его еще одну, очень яркую иллюстрацію.

На дняхъ въ газетѣ „Рѣчь“ мы прочли такую, довольно характерную и вмѣстѣ глубокогрустную корреспонденцію. „Въ селѣ Архангельскомъ, буинскаго уѣзда, симбирской губерніи происходило въ церкви вѣнчаніе. Дѣло было въ послѣдніе дни мясоѣда, и потому въ храмѣ скопилось сразу до 12 паръ, желавшихъ повѣнчаться. Священникъ о. Крыловъ за исполненіе требъ назначилъ съ каждой пары по 5 рублей. Послѣ исполненія нѣсколькихъ обрядовъ (?) оставшіеся необвѣнчанными нашли сумму эту нѣсколько высокой и предложили „батюшкѣ“ уменьшить ее до трехъ рублей. Свящ. категорически отказался сдѣлать скидку. Поднялся гвалтъ. Мужики требовали, но „батюшка“ стоялъ на своемъ. Въ церкви стояли трое стражниковъ, которые въ самомъ разгарѣ торговли выступили впередъ. Послѣ крупныхъ разговоровъ стражники, изъ которыхъ одинъ былъ татаринъ, обратились въ бѣгство, ища спасенія въ алтарѣ. Ударили въ набатъ, и собралось все село. О. Крыловъ во время суматохи незамѣтно ускользнулъ изъ церкви и спрятался въ волостномъ управленіи. Двое стражниковъ тоже сумѣли убѣжать, а одинъ былъ пойманъ и избитъ такъ, что лежитъ теперь въ больницѣ. Когда все успокоилось, въ присутствіи урядника были обвѣнчаны остальные пары“ („Рѣчь“ № 286, 6-е Декабря).

Вотъ фактъ, выхваченный прямо изъ жизни (если, конечно, онъ вѣрно переданъ въ газетномъ сообщеніи), который красно-

рѣчивѣй всякихъ разсужденій говорить о полной непригодности существующей у насъ системы платы-торговли за труды пастырскаго служенія. Обижены прихожане, оскорбленъ священникъ, поругана святость храма, и въ результатъ всего—грубое физическое насиліе и тяжелый матеріальный уронъ для дѣйствительно-религіознаго чувства.

Кто-же долженъ нести отвѣтственность за все случившееся? Гдѣ здѣсь правые и виноватые? Пострадавшій священникъ и мѣстное начальство, въ лицѣ стражниковъ и урядника, безъ сомнѣнія, во всемъ завинять однихъ только крестьянъ: это они умышленно захотѣли нарушить предварительный уговоръ относительно платы за вѣнчаніе, они, дѣйствуя скопомъ, произвели безпорядокъ и гвалтъ въ церкви, они, наконецъ, учинили грубое насиліе надъ представителями власти, выступившими было для водворенія порядка. Словомъ, по приговору этого суда, крестьяне должны быть признаны кругомъ виновными; самое большее, что въ видѣ милости, можно допустить по отношенію къ нимъ, это—дать имъ снисхожденіе, по ихъ грубости, невѣжеству и темнотѣ. Иной приговоръ вынесутъ по этому дѣлу сами крестьяне и большинство представителей нашей передовой интеллигенціи: они, такъ или иначе, конечно, во всемъ обвинять самого священника. Крестьяне останутся при убѣжденіи въ непомѣрной жадности „попа“: за три-четыре часа работы ему мало было 36 рублей, а подавай всѣ 60-ть! Какой-же это духовный пастыръ? Онъ заботится только о своемъ собственномъ, и безъ того толстомъ кармаѣ, и радъ обобратъ насъ голыхъ и бѣдныхъ, благо подошелъ ему такой удобный случай! Недаромъ сложилось про поповъ присловье, что у нихъ „глаза завидушіе и руки загребушія“—съ ненавистью и злобой отвѣтается на подобный фактъ большинство крестьянъ. Интеллигенція, молчаливо раздѣляя этотъ взглядъ простонародной массы, дополнить и усилить обвиненіе священника указаніемъ на „бюрократическій“ характеръ нашего пастырства, вообще, неизбѣжно де приводящій къ такимъ житейско-практическимъ коллизіямъ.

Оба этихъ обвиненія, однако, должны быть признаны скользящими лишь по поверхности факта и незатрогивающими самого существа дѣла. Несправедливо обвинять священника, что онъ за такой ничтожный трудъ, какъ полчасаеое совершеніе

таинства вѣнчанія беретъ такую непомерно высокую плату какъ пять рублей. Несправедливо, во первыхъ, уже по одному тому, что и гонорары лицъ, занимающихся вольной профессіей—различныхъ адвокатовъ и докторовъ—какъ извѣстно, находятся въ такомъ-же самомъ, или даже еще болѣе рѣзкомъ, несоотвѣтствіи между количествомъ потраченнаго времени или труда и размѣромъ полученнаго гонорара. Во вторыхъ, неправильно указывать на это еще и потому, что сравнительно высокая плата за вѣнчаніе, обычно, рассматривается не какъ только оплата, именно, этого священнодѣйствія, но какъ вознагражденіе за труды пастырства, вообще. Свадьба крестьянина—это только какъ-бы удобный случай, когда священникъ имѣетъ сравнительно большую матеріальную и нравственную возможность напомнить ему объ его обязательствахъ передъ своимъ пастыремъ. Всѣ остальные требы, имѣютъ въ большей или меньшей степени, принудительно-обязательный характеръ для священника и обычно оплачиваются копейками и много, много гривенниками. Лишь одно вѣнчаніе составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Къ свадьбѣ, обыкновенно, люди готовятся задолго и приступаютъ только тогда, когда все, что по ихъ понятіямъ нужно, они уже имѣютъ. Въ числѣ такихъ необходимыхъ приготовленій, обыкновенно, стоятъ и такіе непроеводительныя траты, какъ покупка вина, котораго заготавливается не меньше 2—3 ведеръ, т. е. на сумму около двадцати пяти рублей. Что же, разумѣется, послѣ всего того могутъ значить тѣ пять рублей, которые прихожанинъ платитъ священнику за самое совершеніе таинства? По сравненію съ другими расходами, это самый необходимый и притомъ самый скромный изъ всѣхъ свадебныхъ расходовъ, и потому лечь на плеча крестьянъ какимъ то особенно тяжелымъ бременемъ онъ, разумѣется, не можетъ. Крестьяне пропиваютъ на свадьбахъ одного вина втрое и вчетверо больше того,—не говоря уже о другихъ, также далеко не безусловно необходимыхъ расходахъ.

Но едва-ли справедливѣе будетъ во всемъ обвинить здѣсь и крестьянъ. Вѣдь для нихъ, благодаря ихъ невѣжеству, грубости и темнотѣ былъ, дѣйствительно, огромный соблазнъ устроить, своего рода, стачку и заплатить не по пяти, а по три рубля. Тѣмъ болѣе, что въ ихъ глазахъ, приходскій попъ почти что баринъ, по сравненію съ которымъ они кре-

стьяне — чуть-ли не нищие, и потому, если они заплатятъ священнику только половину условленной суммы, то и этого будетъ вполне достаточно. Имъ, по ихъ неразвитости и темнотѣ, нѣтъ нужды до того, что вѣдь священникъ, какъ человѣкъ образованный и съ культурными привычками, не можетъ жить одной съ ними, грубой, неразвитой жизнью. Также мало имъ дѣла и до того, что на различныя свадебныя угощенія и пьянство у нихъ выходитъ, по крайней мѣрѣ, въ пять, а иногда и въ десять разъ больше, чѣмъ оплата труда священника. Первое они готовы всегда, елико возможно, расширить и увеличить второе же, наоборотъ, пытаются всячески урѣзать и сократить. Но если даже такую близорукость крестьянъ, ихъ неумѣнье оцѣнить труды пастырскаго служенія, ихъ собственное пьянство и безхозяйственное мотовство, и можно, до извѣстной степени, поставить крестьянамъ на счетъ, то развѣ только въ видѣ смягчающихъ ихъ вину и оправдывающихъ ихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ, во всемъ этомъ, глубоко прискорбномъ инцидентѣ мы не нашли виновныхъ. И это потому, что въ дѣйствительности вина лежитъ здѣсь не въ людяхъ, а въ *самой системѣ*, въ той системѣ матеріальнаго обезпеченія, которая заставляетъ живыхъ людей, съ различными понятіями и возрѣвнiями, непосредственно сталкиваться по одному изъ самыхъ насущныхъ и вмѣстѣ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ. Что бы мы ни говорили, какія-бы частичныя улучшения и поправки не вводили, но никогда мы не добьемся того, чтобы грубый, темный и неразвитый нашъ простолудинъ, и сравнительно интеллигентный, развитый и тонко чувствующій священникъ могли-бы вполне искренно и къ взаимному удовольствію вести торгъ о платѣ за потребу. Вѣчно крестьянину это будетъ казаться тяжелымъ *материально*, а священнику—еще болѣе тягостнымъ *морально*. Въ этомъ вопросѣ необходимо устранить личный элементъ взаимныхъ отношеній, тутъ нужно какое нибудь *нейтральное посредство*, будетъ-ли то государственное казначейство, или еще лучше, приходская казна. Тогда плата за требы потеряетъ неприглядный характеръ какой-то купли — торговли святыней, тогда не будетъ этого непосредственнаго, личнаго тренія двухъ заинтересованныхъ сторонъ и тогда, можно надѣяться, устранена будетъ и самая возможность какихъ

либо конфликтовъ у священника съ его прихожанами на матеріальной почвѣ. Но, разумѣется, мы намѣчаемъ лишь принципиальное рѣшеніе вопроса, жизненное-же практическое его устройство требуетъ спеціальнаго особаго и подробнаго обсуждения, которое мы и надѣемся предложить въ слѣдующей книжкѣ журнала..

Въ извѣстномъ смыслѣ характерно и то освѣщеніе даннаго факта, какое даетъ ему сама газета „Рѣчь“. Во верхъ, онъ помѣщенъ здѣсь подъ выразительнымъ заголовкомъ „конфликты съ духовенствомъ“. Во вторыхъ, авторъ замѣтки начинается съ такого заявленія: „въ послѣднее время изъ провинці особенно участились извѣстія о прискорбныхъ „недоразумѣніяхъ между духовенствомъ и ихъ паствою“... А заканчиваетъ ее слѣдующимъ образомъ: „таковы далеко не случайные и не единственные факты изъ области взаимныхъ отношеній духовенства съ прихожанами. Въ этихъ отношеніяхъ много общаго со всей нашей внутренней политикой, и характерныя черты бюрократіи, какъ двѣ капли воды отражаются и въ нашемъ духовномъ „начальствѣ“. Послѣдствія того—на-лицо, и въ области религіи и вѣры они еще болѣе рельефны и ярки, чѣмъ въ сферахъ политики“. Хотя оба этихъ комментарія — вступительный и заключительный—касаются больше другаго факта, (упорнаго отказа епархіальной власти утвердить дважды избраннаго церковнаго старосту) но они, разумѣется, относятся также и къ данному случаю, въ которомъ корреспондентъ усматриваетъ, по его собственнымъ словамъ, „въ высшей степени характерный фактъ изъ области вражды духовныхъ пастырей съ пасомыми“.

А. П.

„Черные Вороны“.

Въ настоящее время очень много шума вызываетъ пьеса Протопопова „Черные Вороны“. Въ одной части публики она пользуется поразительнымъ успѣхомъ, а въ другой она вызываетъ негодованіе и протестъ. Это негодованіе настолько сильно, что публика этого лагеря обращается къ власти съ настойчивыми просьбами не допускать постановки этой пьесы на сценѣ. Немало вниманія удѣлено этой пьесѣ и періодической печатью.

Гдѣ же кроется причина такого поразительнаго успѣха этой пьесы и что вызываетъ чувство негодованія противъ нея?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ предварительнаго означенія съ содержаніемъ пьесы. Содержаніе ея таково.

Богатая, молодая вдова фабриканта Анна Николаевна Краева живетъ вмѣстѣ съ своей падчерицей, взрослой дѣвушкой Еленой Сергѣевной. Анна Краева красива, умна, ловка, но совершенно безсердечна и безпринципна; основная черта ея характера—жажда чувственныхъ удовольствій. Полную противоположность ей представляла Елена Сергѣевна: это—натура довольно глубокая и сосредоточенная, вмѣсто жажды къ чувственнымъ удовольствіямъ она проникнута страстной жаждой Божіей правды, ея натурѣ противенъ обычай и грязь окружающей среды, она глубоко страдаетъ при видѣ этой лжи и грязи. Эта противоположность характеровъ неизбежно отражается на взаимныхъ отношеніяхъ мачехи и падчерицы. Они чувствуютъ взаимную антипатію другъ къ другу. Антипатія усиливается, когда въ домѣ появляется въ качествѣ учителя дѣтей Краевой студентъ Пальскій. Здѣсь уже начинается говорить чувство женщины. Пальскій человѣкъ идеально настроенный и съ возвышенными стремленіями. Его настроеніе вполне гармонируетъ съ настроеніемъ Елены Сергѣевны. Не мудрено, что между молодыми людьми зарождается взаимное нѣжное чувство. Но это чувство не можетъ еще побороть въ душѣ Елены сильной релігозной жажды живого Бога. Склонность къ релігозной экзальтаціи слишкомъ глубоко проникло въ душу дѣвушки. Она поддается вліянію сектантокъ Елены и Ирины, которыя внушаютъ ей, что всѣ житейскія радости являются ничѣмъ инымъ, какъ только великимъ соблазномъ, ведущимъ къ гибели души. Въ душѣ Елены возникаютъ борьба между чувствомъ привязанности къ студенту Пальскому и тѣмъ настроеніемъ, которое создается у нея подъ вліяніемъ сектантокъ. Можетъ быть, эта борьба окончилась бы побѣдой чувства любви къ Пальскому надъ искусственно создаваемымъ сектантками настроеніемъ. Но въ этотъ моментъ душевной борьбы является на сцену мачеха, уже увлекшаяся молодымъ студентомъ и не желавшая уступать его своей падчерицѣ. Желая во что бы то ни стало устранить соперницу, Анна Краева прибѣгаетъ къ обычному своему способу—къ обману. Она вступаетъ въ соглашеніе съ сектантками и при ихъ содѣйствіи устраняетъ такъ, что Елена собственными глазами видитъ, какъ люби-

мый ею человѣкъ цѣлуетъ руки мачехи. Елена не въ состояніи перенести этого. Страданіе, вызванное мнимой измѣной, разбитая вѣра въ человѣка заставляютъ ее броситься въ объятія сектантокъ, которыя усиливаютъ свою проповѣдь и увлекаютъ ее окончательно разказами объ Учителѣ, Который зоветъ къ себѣ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ и къ Которому стекаются со всѣхъ сторонъ больные сердцемъ и ищущіе правды жизни. Елена, скрываясь ночью, бѣжитъ вмѣстѣ съ ними изъ дома, оставивъ записку: „Не ищите не найдете“. Пальскій рѣшается во что бы то ни стало отыскать Елену и спасти ее. Но Елена уже очутилась въ самомъ гнѣздѣ сектантовъ. Здѣсь она присутствуетъ на ихъ радѣніи, причемъ Еленѣ открывается такая обстановка. На высокомъ сѣдалищѣ сидитъ женская фигура, покрытая чернымъ покрываломъ, а по сторонамъ стоятъ 13 женщинъ въ черныхъ платьяхъ съ бѣлыми покрывалами. Происходитъ пѣніе, затѣмъ, идутъ пророчества, наконецъ встаетъ съ сѣдалища женщина, надъ ея головой зажигается вѣнецъ изъ электрическихъ лампочекъ. Эта женщина или, какъ называютъ ее сектанты, „матушка“ обладаетъ, по убѣжденію сектантовъ, сверхъестественной силой. Она подзываетъ къ себѣ Елену и говоритъ ей, что она духомъ видѣла, какъ страдала душа Елены, какъ она рвалась къ свѣту и какъ она побѣдила искушеніе, рѣшившись порвать связи съ домомъ, начертавши слова: „не ищите--все равно не вернете“. Елена, на которую обстановка радѣнія произвела отрицательное впечатлѣніе, слыша свою фразу, написанную ею въ запискѣ, оставленной при бѣгствѣ изъ дома, поражается прозорливостью „матушки“ и преклоняется предъ нею. „Матушка“ послѣ этого вручаетъ новообращенную женщинѣ Варварѣ. Елена страстно желаетъ видѣть Учителя, жаждетъ слышать его. Но Варвара говоритъ ей, что она можетъ предстать предъ учителемъ только тогда, когда пожертвуетъ все свое имущество въ пользу сектантовъ. Елена не останавливается ни передъ чѣмъ и соглашается выполнить это условіе. Одновременно съ Варварой Елену окружаютъ два сектантскихъ пророка: Семень и Иванъ. Варвара внушаетъ Еленѣ, что это люди святые, воплотившіе въ себѣ древнихъ пророковъ. Елена вѣритъ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ. Пророкъ Семень намѣревается прокрасться въ комнату Елены съ гнусными

цѣлями, но ее спасаетъ отъ насилія другой сектантъ Илья. Это симпатичный, но безвольный человѣкъ, явившійся къ сектантамъ, думалъ найти у нихъ, какъ думала и Елена, правду Божію. Но вскорѣ онъ узналъ сектантовъ, увидѣлъ грязь этого общества и, не имѣя силъ порвать съ ними всякія связи, пересталъ участвовать въ ихъ мерзостяхъ. Когда онъ увидѣлъ Елену, эту новую жертву обмана, онъ почувствовалъ къ ней жалость и рѣшилъ спасти ее отъ сектантовъ и въ частности сохранить ее отъ гнуснаго пророка Семена. Илья бросается на похотливаго пророка. Но въ эту минуту совершенно неожиданно является Пальскій и съ револьверомъ въ рукѣ требуетъ выдачи Елены. Семенъ испуганный притворно соглашается исполнить требованіе Пальскаго. Послѣдній не выпускаетъ еще изъ рукъ револьвера, но Варвара, узнавши въ чемъ дѣло, подкравшись сзади, вырываетъ у него орудіе смерти. Пальскій, обезоруженный, попадаетъ въ руки Семена, который связываетъ его и хочетъ подвергнуть его истязанію. Освѣдомленная о происшедшемъ „матушка“, боясь огласки, распоряжается отпустить Пальскаго невредимымъ. Теперь Пальскому стало очевиднымъ, что одинъ онъ не въ состояніи вырвать Елены изъ рукъ сектантовъ. Поэтому онъ обращается за помощью къ Аниѣ Краевой. Мачеха притворно обѣщаетъ ему свое содѣйствіе подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что онъ безвыходно будетъ сидѣть дома и ничего не станетъ предпринимать. Пальскій честно исполняетъ данное Краевой обѣщаніе. Вдругъ къ нему является Илья и умоляетъ выслушать его, иначе гибель Елены неизбежна. Пальскій и Илья условливаются относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Въ силу принятаго рѣшенія, Илья, чтобы раскрыть всю гнусность сектантовъ предъ Еленой, устраиваетъ такъ, что она слышитъ откровенныя бесѣды сектантовъ, когда они, не опасаясь никого, говорятъ о своихъ дѣлахъ, ссорятся и попрекаютъ другъ друга разными гадостями, говорятъ о ней; Елена собственными глазами видитъ, какъ они пьютъ и дерутся. Елена узнаетъ все и рѣшается порвать всякія отношенія съ сектантами. Варвара, ничего не подозрѣвая, приноситъ Еленѣ для подписи бумагу, въ которой все ея имущество завѣщается въ пользу сектантовъ. Елена отказывается дать свою подпись и объявляетъ ей о своемъ рѣшеніи не имѣть съ сек-

тантами никакого дѣла. Возмущенная Варвара вмѣстѣ съ Семеномъ запирають Елену на ключъ, угрожая ей при этомъ, что она не выйдетъ изъ подъ замка, пока не подпишетъ бумаги.—Далѣе на сценѣ появляется сама „матушка“ Гусева. Между нею и ея наперсницей Варварой происходитъ интимная бесѣда. „Матушка“ хвастаетъ, что она открыла секретъ, какъ вліять на душу русскаго народа. Этотъ секретъ заключается въ томъ, чтобы дѣлать добро этому народу, путемъ раздачи милостыни. Милостыня, которую раздаютъ она и Учитель, есть единственное и могучее средство привлечь сердца людей. За эту милостыню народъ сторицею воздастъ имъ. При помощи этого средства, она „матушка“ и Учитель достигли славы и богатства. Во время этой интимной бесѣды пророки Семень и Иванъ приносятъ вина и затѣмъ начинается безобразная, дикая оргія. Опьяненные сектантскіе руководители не замѣтили, какъ Илья взялъ ключи и отперъ комнату, въ которой заключена была Елена. Въ самый разгаръ оргіи въ комнату врываются Пальскій и старый управляющій отца Елены. Съ револьверами въ рукахъ они требуютъ выдачи Елены. Но „матушка“ Гусева отказываетъ имъ въ этомъ, заявляя, что Елена отправлена уже въ Полтаву. Въ это время Илья выводитъ освобожденную Елену. Происходитъ трогательная сцена свиданія. Пьеса заканчивается уходомъ отъ сектантовъ Елены и Ильи.

Таково содержаніе пьесы. Какъ видно, основной замыселъ ея не представляетъ ничего новаго и особеннаго. Внутренняя душевная борьба между сильно и искусственно развитымъ религіознымъ чувствомъ, требующимъ отреченія отъ міра съ его радостями, и естественнымъ и законнымъ влеченіемъ къ нимъ, не разъ уже была темою художественнаго творчества. Эксплоатація религіознаго настроенія различными обманщиками и шарлатанами тоже не разъ была предметомъ вниманія нашихъ лучшихъ романистовъ. Ни тема пьесы, ни выведенные характеры не могли создать ей шумнаго успѣха. Интересъ этой пьесы заключается въ изображеніи бытовой стороны и внутренняго уклада сектантской общины, недавно появившейся и связанной съ именемъ извѣстнаго о. Іоанна Кронштадтскаго. Эта сектантская община быстро распространяется и имѣетъ громадный успѣхъ особенно въ массѣ простаго народа. О. Іоаннъ Кронштадтскій,

конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ сектантамъ, какъ онъ самъ неоднократно заявлялъ объ этомъ въ печати. Но ловкіе люди искусно пользуются его именемъ и успѣшно привлекаютъ народъ въ свою секту. Эти ловкіе люди, безцеремонно пользуясь именемъ о. Іоанна въ своихъ чисто эксплуататорскихъ цѣляхъ, сдѣлали то, что нѣкоторые стали приписывать Кронштадтскому пастырю то, въ чемъ онъ никогда не былъ и не могъ быть повиннымъ. Безпристрастная публика, конечно, знаетъ объ этомъ и не допускаетъ мысли считать о. Іоанна причастнымъ къ плутнямъ этихъ ловкихъ аферистовъ. Тѣмъ не менѣе посмотрѣть на сценѣ плутовскія продѣлки іоаннитовъ для нея представляется довольно любопытнымъ и занимательнымъ. Въ этомъ главная причина успѣха пьесы. Но немало содѣйствуетъ успѣху пьесы и то отношеніе, которое высказывается по ея адресу со стороны лицъ, занимающихъ видное служебное положеніе. Эти лица выражаютъ протестъ противъ ея постановки, открыто выражаютъ свое негодованіе. Такое отношеніе только усиливаетъ любознательность въ публикѣ и вызываетъ стремленіе во что бы то ни стало посмотрѣть эту пьесу на сценѣ. Въ данномъ случаѣ вполне оправдывается пословица: запрещенный плодъ сладокъ.

Но почему же эта пьеса вызываетъ негодованіе въ другой части общества? Есть-ли основанія для протеста противъ постановки ея на сценѣ? Люди глубоко религіозные, всецѣло преданные Православной церкви, требуютъ снятія ея съ репертуара, какъ пьесы, направленной противъ религіи, вообще, и противъ православной церкви, въ частности. Но едва-ли можно найти въ пьесѣ достаточныя основанія для такого требованія. Авторъ пьесы устами Пальскаго вполне ясно разграничиваетъ воззрѣнія сектантовъ и истинныя религіозныя понятія. Онъ высоко ставитъ истинно религіозное чувство, преклоняется предъ нимъ, говоритъ о силѣ истинной вѣры, „двигающей горами“. Не замѣтно въ пьесѣ и выходокъ противъ православія. Во всей пьесѣ нѣтъ ни антирелигіознаго, ни антицерковнаго элемента. Это признаетъ даже „Колоколь“. По поводу упрековъ въ антирелигіозности пьесы, „Колоколь“ говоритъ: „нужно сознаться, что къ такому крайнему выводу нѣтъ достаточныхъ основаній“, а по поводу нареканій въ антицерковности онъ выражается: „сказать, что

„Черные Вороны“ направлены противъ православной церкви было бы несправедливо“.

Тѣмъ не менѣе въ пьесѣ дѣйствительно есть одна сторона, которая несомнѣнно можетъ смущать благочестивыхъ людей, истинно почитающихъ Кронштадтскаго Батюшку. Въ пьесѣ выводятся іоанниты. Но къ сожалѣнію, г. Протопоповъ не отдѣлилъ личности уважаемаго пастыря отъ тѣхъ, кто прикрывается его авторитетомъ и кто пользуется его именемъ для своихъ гнусныхъ цѣлей. Пьеса дѣйствительно можетъ оставить впечатлѣніе, будто на самомъ дѣлѣ о. Іоаннъ стоитъ во главѣ этой секты. Въ пьесѣ сектанты постоянно говорятъ о кронштадтскомъ пастырѣ, какъ о своемъ дѣйствительномъ руководителѣ. „Матушка“ Гусева въ интимной бесѣдѣ съ Варварой какъ будто выставляетъ о. Іоанна такимъ же обманщикомъ и эксплуататоромъ, какъ и сама она. Въ пьесѣ не отгнѣнено, что вся проповѣдь сектантовъ есть ложь, что о. Іоаннъ не имѣетъ ничего общаго съ этими ловкими аферистами. Для людей, которымъ дорого имя о. Іоанна Кронштадтскаго, все это, дѣйствительно, можетъ показаться возмутительнымъ и совершенно непозволительнымъ. Если вообще нельзя порочить какого бы то ни было человѣка, то тѣмъ болѣе нельзя поносить имя человѣка, котораго уважаютъ и благоговѣнно чтятъ всѣ искренно благочестивые люди. И если бы въ этой пьесѣ были сдѣланы измѣненія, которыми личность о. Іоанна была бы выдѣлена изъ среды этой грязной компаніи сектантовъ—іоаннитовъ, то она, несомнѣнно, не возбуждала бы того негодованія, которое вызывается теперь и, конечно, имѣла бы право на внесеніе ея въ театральнй репертуаръ. Въ такомъ случаѣ она только помогла бы дѣлу православной миссіи. Цѣль послѣдней—борьба съ сектами, въ томъ числѣ и съ іоаннитами. Пьеса же г. Протопопова превосходно раскрываетъ всю внутреннюю ложь и грубый обманъ этой сектантской общины. Всякій, кто посмотритъ на сценѣ эту пьесу, несомнѣнно испытаетъ только безразличное чувство къ этому циничному и грубому обществу. Тогда можно было бы только порадоваться выступленію литературныхъ силъ, совершенно не причастныхъ къ дѣлу православной миссіи, на борьбу съ сектантствомъ.

Н. Высоцкій.